

Сулемина Оксана Владимировна

"ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОБЕГ": ПОЭТ И РЕАЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

В статье предпринимается попытка проследить взаимодействие пушкинского лирического субъекта-поэта с объективной реальностью. Выявляется два возможных пути такого взаимодействия, однако каждый из них предполагает возможность "поэтического побега" от действительности. Это либо перемещение в пространстве ("горизонтальное"), либо переход с помощью воображения в "волшебные края" поэзии ("вертикальное" перемещение). Поэт стремится отграничить себя от окружающего мира, поскольку цель его творчества - обретение свободы в собственном креативном пространстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 180-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**DISCURSIVE CHARACTERISTICS OF PROVOCATIVE SPEECH BEHAVIOUR
IN ENGLISH-SPEAKING INTERNET RELAY CHATS**

Stroitelev Nikita Mikhailovich
Saburova Natal'ya Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Pacific National University
crazy_drummer91@mail.ru

The article deals with provocative speech behaviour in virtual discourse, namely trolling. Discursive approach to "flame" analysis as a genre of virtual discourse and to trolling analysis allows presenting in more detail the peculiarities of the communicative role "troll" and the specificity of realization of provocative speech behaviour strategy in various tactics.

Key words and phrases: provocative speech behaviour; virtual discourse; flame; trolling; Internet Relay Chat.

УДК 82 – 14

Филологические науки

В статье предпринимается попытка проследить взаимодействие пушкинского лирического субъекта-поэта с объективной реальностью. Выявляется два возможных пути такого взаимодействия, однако каждый из них предполагает возможность «поэтического побега» от действительности. Это либо перемещение в пространстве («горизонтальное»), либо переход с помощью воображения в «волишебные края» поэзии («вертикальное» перемещение). Поэт стремится отграничить себя от окружающего мира, поскольку цель его творчества – обретение свободы в собственном креативном пространстве.

Ключевые слова и фразы: лирический субъект; поэт; пророк; воображение; художественная реальность; «южная» лирика.

Сулемина Оксана Владимировна, к. филол. н.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
may2005@yandex.ru

«ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОБЕГ»: ПОЭТ И РЕАЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА[©]

В пушкинской лирике поэт занимает особое, выделенное место. Лирический субъект как бы «отграничивает» себя от окружающего мира, реализуя тем самым стратегию «ускользания», которая предполагает его пространственное положение «на касательной» по отношению к любой из созданных им сфер художественной реальности. Подобное положение дает свободу перемещения между различными «измерениями» лирического мира и одновременно исключает возможность полного погружения в одну из творимых реальностей, которое могло бы ограничить возможности творчества. «Уход» лирического субъекта от «объективной» реальности может реализовываться двумя основными способами:

- устремление «за границы» окружающей лирического субъекта реальности, когда с помощью воображения он «переносится» в иное *личное* пространственно-временное измерение; это реализация «поэтическ(ого)¹ побег(а)» [14, т. 2, с. 296] в *горизонтальной* плоскости, когда поэт «перемещается» в рамках *собственного* восприятия времени и пространства;
- преобразование, мифологизация реальности в рамках определенной культурной традиции; это «поэтический побег» в вертикальном измерении, когда при помощи воображения поэт пересоздает собственную реальность по некоему существующему культурному образцу, приобщаясь к «Большому времени человеческой культуры» [20, с. 97].

Рассмотрим некоторые варианты «ухода» лирического субъекта-поэта от реалий, определяющих существование его человеческого «я», на материале «ролевой» лирики «лицейского» – «михайловского» периодов.

Уже в «лицейской» лирике намечается трансформация объективной реальности за счет ее особого восприятия лирическим субъектом. С одной стороны, Лицей осознается им как *монастырь*, «в глухих стенах» которого поэт-монах (см. [16]) вынужден проводить дни своей молодости. Это заточение преодолевается *перемещением* из *кельи* «в пышный Петроград» [14, т. 1, с. 32-34] с помощью *мечтанья*. Однако по признаку *удинения* кельей именуется и «приют поэзии счастливый, <...> отдаленный неги кров» [Там же, с. 92-93], где поэт-гедонист реализует собственную жизненную программу:

Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
<...>собравшись в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое. («К Галичу») [Там же].

[©] Сулемина О. В., 2014

¹ Круглыми скобками отмечены изменения грамматической формы, внесенные автором статьи.

Лирический субъект призывает своего адресата приобщиться к *уединению* как дружескому *единству*. Однако сам поэт стремится в воображении за границы своей «кельи»:

<...> время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров приятный [Там же, с. 93]...

Восприятие уединения как «чужого», еще не «присвоенного» поэтического мотива, подтверждается и в письме П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года, где Пушкин именует себя «несчастн(ым) царскосельск(им) пустынный(ом)» и добавляет:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом [Там же, т. 13, с. 2-3].

Помимо прямого сетования на свое уединенное положение, в этих строках поэт упоминает значимую для себя стратегию «наблюдения издали», которая реализует «уход» от наличного бытия либо как *стремление* оказаться в другом месте (в данном случае) объективной реальности, либо как перемещение в мир творчества. В стихотворении «Городок» (1815) [Там же, т. 1, с. 73-81] лирический субъект выстраивает «сценарий», по которому в дальнейшем (в стихотворениях «петербургского» периода) и произойдет «освоение» мотива уединения в качестве значимого условия его собственного творчества. Поэт «проектирует» будущую жизнь в Петербурге, усталость от нее и возвращение в «укромн(ый) угол(ок)». Так, с помощью воображения, происходит «путешествие» во времени и пространстве, в свете которого переоценивается объективная реальность.

Теперь приведем наиболее значимые, с нашей точки зрения, примеры мифологизации поэтом объективной реальности. Мы не станем подробно останавливаться на игровой и мифологизированной реальности «Арзамаса», которая значима для всей «ролевой» лирики Пушкина, поскольку эта тема подробно описана и не вызывает особенных разночтений в интерпретации [3; 4]. Предметом нашего описания послужит восприятие поэтом реальности «южной» ссылки, [3; 12; 13; 18] поскольку именно «южная» реальность была «нагружена» множеством культурно-мифологических и поэтических коннотаций, что сделало ее благодатной почвой для творческих экспериментов Пушкина. [15] В этот период творчества, значимой для пушкинского лирического субъекта поэтической стратегией была игра [9], в ее метафизическом смысле, как *творение* собственного образа и особой художественной реальности.

Лирический субъект, в соответствии со своей ролью творца, сам создавал правила игры. Подобное отношение к действительности подразумевало «*тайн(ую) Свобод(у)*» [14, т. 2, с. 62] поэта, что внешне проявилось в создании многогранного и противоречивого собственного образа.

Кажется, что при описании пушкинской художественной реальности чрезмерная концентрация внимания на ее отдельных уровнях не вполне продуктивна. Лирический мир Пушкина многогранен, и его определяющей чертой можно назвать именно возможность сочетания разнообразных, порой взаимоисключающих реалий. Попытаемся доказать это на примере описания мифологизированной реальности Юга.

Интересна концепция Б. М. Гаспарова, [3] (ср. [2]) который утверждает, что для Пушкина ссылка на юг послужила поводом к созданию поэтического мифа, отсылающего читателя к путешествию Данте в потусторонний мир [8] и / или сошествию Христа в ад. С этой точки зрения, дается новая трактовка описаний пейзажа. Б. М. Гаспаров наделяет «южные» пейзажи характерными чертами «Дантовского Инферно: бесплодные выжженные долины, экзотический колорит, горячие потоки и раскаленные утесы и теснящихся на них страждущих» [3, с. 185]. Интерпретация пушкинской «южной» мифологии Б. М. Гаспаровым представляется одним из возможных вариантов (О. Проскурин отрицает правдоподобие гаспаровской концепции, находя в «южной» лирике Пушкина аллюзии на творчество Батюшкова, в том числе, его «Тавриду»). При этом исследователь видит дантовские мотивы в пушкинских стихотворениях «кавказского цикла» (1829): «<...> эти стихотворения выстраиваются не только в мотивно-тематическое, но и <...> в «еюжетное» единство, стержнем для внутренней организации которого служит «Божественная комедия»: «Страшно и скучно» – это переживание и осмысление реальности сквозь призму «Ада»; «На холмах Грузии» – очищение; «Монастырь на Казбеке» – как бы видение Рая...» [13, с. 235]. Как нам кажется, интерпретации Б. М. Гаспарова и О. Проскурина не исключают, а дополняют друг друга, поскольку иллюстрируют одну из стратегий пушкинского творчества: «сжатие» развернутого повествовательного сюжета до «фрамков» стихотворного текста. Подобную стратегию мы можем наблюдать в связи с пушкинским замыслом поэмы «Влюбленный бес», который, по мнению Т. Г. Цявловской, в «сжатом» виде реализуется в стихотворении «Ангел» (1827) [19]. Но попытаемся выявить некоторые другие мотивы, связанные с описанием «потустороннего» мира.

Приведем фрагмент письма Пушкина, в котором он описывает свое путешествие на Кавказ: «Приехав в Екатеринослав, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. <...> Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных. Все эти целебные ключи находятся не в дальнем расстоянии друг от друга» (Л. С. Пушкину 24 сентября 1820) [14, т. 13, с. 17]. Б. М. Гаспаров находит параллель между этими водами и сказочными «живой» и «мертвой» водой из «Руслана и Людмилы» [3, с. 184-187].

Но, поскольку пребывание Пушкина на юге трактуется как путешествие в иной мир, кажется уместной ассоциация вод, упомянутых в перечислении с реками подземного царства. Приехав в ссылку, поэт отправляется на Днепр и, искупавшись в нем, «подхватывает горячку». Болезнь отрывает его от окружающих, переводит в другой, особенный мир. Возникает параллель с рекой подземного царства Ахероном, за пределами которой расположен потусторонний мир, не доступный для обычных смертных. «Потусторонность», как одна из характеристик пушкинского восприятия «юга», подтверждается и обращением к теме «любовного» «путешествия» смертного в Аид в «Прозерпине» (1824) [14, т. 2, с. 286] (см. также [6]).

Пройдя все круги Ада, герой Данте попадает в Чистилище, где очищается огнем («горячка» [3, с. 186] связана с очищающим действием внутреннего огня), а потом оказывается в земном Раю. Там он пьет воду из Леты, реки забвения, которая помогает избавиться от прошлого, от воспоминаний. Лирический субъект Пушкина испытывает к прошлому «охлаждение», подобное результатам действия вод Леты. С земным Раем ассоциируются идиллические картины, посвященные описаниям Крыма, в частности, Гурзуфа:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
(«Кто видел край, где роскошью природы...», 1821) [14, т. 2, с. 170].

Жизнь здесь замирает, но не останавливается, как при элегическом «охлаждении», а продолжает двигаться по другим законам, не изменяясь с течением календарного времени. В этом пространстве поэт предается «мирной лени», которая в данном контексте может быть истолкована как первородное состояние человека, не имеющего необходимости трудиться. Встреча с нереидой в Тавриде [13; 14, т. 2, с. 143] также может послужить отсылкой к Данте, герой которого встречается с нимфами, жительницами полей и речных зарослей, в земном Раю [8, с. 98].

Итак, трактовка «южной» реальности как потусторонней кажется вполне вероятной. В соответствии с подобным восприятием окружающего мира лирический субъект предстает перед нами как «поэт – мессия – грешник» [3, с. 190], призванный посетить потусторонний мир и донести сведения о нем до окружающих. Он исполняет роль пророка, повествующего о «конце времен» [3, с. 231-244; 11, с. 338-355]. Именно с этой ролью Б. М. Гаспаров связывает возникающие в стихотворениях картины оргий, описания демонических героев, общение с тенями (тенью Овидия) [3, с. 190-197]. Предлагая различные варианты интерпретации пушкинского «инфернального» путешествия, исследователь упоминает мифологический сюжет «о сошествии поэта или героя в Аид» [Там же, с. 178].

На наш взгляд, именно этот сюжет, воспринятый Пушкиным как «путешествие избранного в потусторонний мир» послужил общей, архетипической основой для создания вариативной художественной реальности, включающей в себя аллюзии к каждому из известных Пушкину «сошествий в иномирье» (посещению Аида Орфеем и Энеем, дантовскому «потустороннему» странствию, схождению Христа в Ад посещению ада средневековым (и гетевским) доктором Фаустом [7]). В свете вышесказанного «южная» реальность предстает воплощением иномирья в целом: Крым и Кавказ, в сознании лирического субъекта, соединяют в себе Рай и Ад [Там же, с. 265-282]. Поэт-путешественник имеет возможность наблюдать за открывающимся его взору новым миром со стороны и создавать лирический «путевой дневник».

Помимо уже упомянутых точек зрения на место «южной» реальности в пушкинском лирическом мире, нам представляется возможной интерпретация Юга как мифологизированного креативного пространства, куда поэт переносится с помощью своего воображения. Подобное восприятие «южной» реальности было определяющим и для «зрелого» Пушкина, что подтверждается словами из письма В. Д. Сухорукову от 14 марта 1836 года: «В соседстве Бештау и Эльбруса живут досуг и вдохновение» [14, т. 16, с. 90].

Переход в «волшебные края» творчества представлен в элегии «Погасло дневное светило...» (см. [1; 10; 17, с. 280-281]). «Юг» включает в себя все варианты «поэтической» топики: горы, холмы, море, бурлящие реки, ключи, рощи – и соответственно воспринимается лирическим субъектом как пересозданное по его воле творческое пространство, в котором он занимает место творца и обретает абсолютную свободу. Скажем подробнее о горных пейзажах. Особое положение поэта реализовалось с помощью воображаемого перемещения на высоты Парнаса. Это было общим местом в литературе пушкинского времени. Парнасские высоты взаимосвязаны с «южными» горными пейзажами по следующему принципу: горы воздействуют на воображение поэта, с помощью которого он возносится на Парнас. В то же время «тьень» Парнаса накладывается на реальный горный пейзаж, наделяя его еще большей вдохновляющей силой. Для своего создателя креативное пространство чудесно, поскольку полностью подчиняется его воле и выражает ее (ср.: «Любая иллюзия становится в мире чудесного реальностью. Можно сказать, что в мире чудесного все иллюзорное действительно, как и обратно: все действительное может в нем стать иллюзорным» [5, с. 21]).

Чудесность проявляется и в возможности «переноса» этого пространства благодаря воображению в реальность «михайловской» ссылки. При этом возникает своеобразная «комбинация» выделенных нами стратегий ухода поэта от окружающей действительности: совершая «горизонтальное» движение в области собственной памяти, то есть при помощи воспоминания-воображения переходя из одного «объективного» пространства в другое, лирический субъект одновременно продолжает процесс мифологизации этого пространства, что дает ему возможность «вертикального» движения в области общечеловеческой культурно-исторической памяти. Таким образом, «михайловская» реальность оказывается генетически связана с «южной».

В период «михайловской» ссылки Пушкин продолжает реализовывать стратегию ролевой игры, фокусируя свое внимание на роли поэта-пророка (возникают образы «муз возвышенн(ого) пророк(а)» [14, т. 2, с. 62], пророка Корана [Там же, с. 314-318] и пророка – пушкинского лирического субъекта). Мифологизация Пушкиным «михайловской» реальности в связи с разработкой им «пророческого мифа» подробно описано В. С. Листовым [11, с. 338-355]. Исследователь проследивает продолжение темы поэта-пророка и в «болдинской» лирике. Не останавливаясь на перечислении всех «примет» такой мифологизации, обратимся лишь к письму Пушкина Н. Н. Гончаровой, которое упоминается исследователем как один из аргументов его «пророческой» самоидентификации: «Болдино имеет вид острова, *окруженного* (курсив прим. автора – О. С.) скалами» [14, т. 14, с. 115]. В. С. Листов замечает в этих словах параллель с положением пророка Иоанна и одновременно Наполеона («исполняющего» роль пророка) из раннего стихотворения, с чем нельзя не согласиться.

Но скалы здесь возникают в качестве метафоры препятствия и наделяются отрицательными коннотациями. Поскольку в большинстве стихотворений (особенно «южных») скалы, как и горы, часто наделяются «поэтическим» или «пророческим» ореолом, следует проследить случаи возникновения в пушкинском художественном пространстве скал именно как непреодолимых препятствий.

Мрачные скалы-стены, сковывающие движение бурного Терека, возникают в стихотворениях 1829 года («Кавказ», «Обвал», «Меж горных <стен> <?> несется Терек», «И вот ущелье мрачных скал...»). Поэт, пребывая в вынужденном «заточении» («Несмотря на все усилия, я не могу попасть в Москву; я окружен целой цепью карантин, и притом со всех сторон...») [Там же, с. 150]), в определенной степени разделяет «судьбу» Терека, «закланного» в свои берега. Наделение обыкновенно «поэтических» скал негативными характеристиками возникает в связи с их ролью сковывающих свободу поэта *целей*.

Поскольку, как уже говорилось выше, именно свобода определяет бытие лирического субъекта-поэта в его собственной художественной реальности, он прибегает к различным стратегиям, чтобы совершить переход в «волшебные края» творчества, дарующие освобождение. Окружающие поэта реалии воспринимаются двояко: они либо служат препятствием при переходе поэта в креативную реальность и тогда наделяются отрицательными коннотациями, либо выступают в качестве источника вдохновения и преобразуются с помощью поэтического воображения, то есть становятся составной частью поэтического пространства.

Список литературы

1. **Баевский В. С.** Из предыстории пушкинской элегии «Погасло дневное светило...» // Проблемы современного пушкиноведения. Псков: Пск. гос. пед. ин-т, 1994. С. 5-43.
2. **Баженов А.** «Схождение во ад» как творческая задача Пушкина (к вопросу о «Гавриилиаде») // Наш современник. 2002. № 1. С. 253-259.
3. **Гаспаров Б. М.** Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. 400 с.
4. **Гиллельсон М. И.** Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974. 226 с.
5. **Голосовкер Я. Э.** Логика мифа. М.: Наука, 1987.
6. **Гринлиф М.** Пушкин и романтическая мода. СПб.: Академический проект, 2006. С. 23-104.
7. **Данилевский Р. Ю.** Пушкин и Гете: сравнительное исследование. СПб.: Наука, 1999. 288 с.
8. **Данте А.** Божественная комедия. М.: Правда, 1982. 450 с.
9. **Кайуа Р.** Игры и люди; Статьи по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. С. 43-49.
10. **Квашина Л. П.** Элегия Пушкина «Погасло дневное светило...» и жанровая традиция // Литературоведческий сборник. Донецк: ДонНУ, 2000. Вып. 4. С. 92-96.
11. **Листов В. С.** Островное пророчество // Новое о Пушкине. История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта. М.: Стройиздат, 2000. 448 с.
12. **Люсый А. П.** Пушкин. Таврида. Киммерия. М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с.
13. **Проскурин О.** Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.
14. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994-1997.
15. **Сандлер С.** Далекие радости: А. Пушкин и творчество изгнания. СПб.: Академический проект, 1999. С. 20-71.
16. **Сулемина О. В.** В поисках самого себя: поэт в лирике А. С. Пушкина 1814-1824 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 2 (94). С. 175-179.
17. **Фаустов А. А.** Авторское поведение Пушкина: очерки. Воронеж: ВГУ, 2000. 321 с.
18. **Цирулев А. Ф.** Художественная специфика пушкинского автобиографизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27) Ч. 1. С. 177-179.
19. **Цявловская Т. Г.** «Влюбленный бес» (Неосуществленный замысел Пушкина) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 18. С. 601-635.
20. **Черашняя Д. И.** Тайная свобода поэта: Пушкин. Мандельштам. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. 308 с.

“POETICAL ESCAPE”: POET AND REALITY IN THE LYRICS BY A. S. PUSHKIN

Sulemina Oksana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
may2005@yandex.ru

The article makes an attempt to observe the interaction of Pushkin's lyrical subject-poet with the objective reality. The author reveals two possible methods for such interaction, but each of them supposes the possibility of “poetical escape” from the reality. It is either spatial (→horizontal) movement or transition by imagination into the “Fairyland” of poetry (→vertical) movement). The poet tends to separate himself from the surroundings because his creative work is aimed at the acquisition of freedom in his own creative space.

Key words and phrases: lyrical subject; poet; prophet; imagination; artistic reality; →southern” lyrics.